

ВЗГЛЯДЫ ДВУХ ШКОЛ В НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Мухайё Муталлиевна Дедаханова

Самостоятельный соискатель Наманганского государственного университета

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7410457>

Аннотация: В данной статье раскрывается развитие двух школ сложившихся традициях нейролингвистических исследований — Московская школа нейролингвистики А. Р. Лурия (в настоящее время развивается Т. В. Ахутиной) и Петербургская школа нейролингвистики Балонова—Деглина (нынешний руководитель — Т. В. Черниговская), а также исследований речи под воздействием определённой окружающей среды, воспитание семьи. Развитие речи у учащихся, как отдельный предмет науки и разделении двух школ в нейролингвистики, а также как речевой процесс опирается на ряд совместно работающих зон мозговой коры.

Ключевые слова: Изучение нейролингвистики во взглядах двух фундаментальных школах.

TWO SCHOOLS OF THOUGHT IN NEUROLINGUISTIC RESEARCH

Abstract: This article reveals the development of two schools of established traditions of neurolinguistic research — the Moscow School of Neurolinguistics by A. R. Luria (currently being developed by T. V. Akhutina) and the St. Petersburg School of Neurolinguistics by Balonov-Deglin (current leader is T. V. Chernigovskaya), as well as research on speech under the influence of a certain environment, family upbringing. The development of speech in students, as a separate subject of science and the division of the two schools in neurolinguistics, as well as the speech process, relies on a number of cooperative areas of the cerebral cortex.

Key words: The study of neurolinguistics in the views of two fundamental schools.

NEUROLINGVISTIK TADQIQOTLARDA IKKITA FIKR MAKTABI

Annotatsiya: Ushbu maqola neyrolingvistik tadqiqotlarning o'rnatilgan an'alariga ko'ra ikkita maktabining rivojlanishini ochib beradi - A. R. Luriyaning Moskva neyrolingvistika maktabi (hozirda T. V. Axutina tomonidan ishlab chiqilmoqda) va Balonov-Deglinning Sankt-Peterburg neyrolingvistika maktabi (hozirgi rahbari T. V. Chernigovskaya), shuningdek, ma'lum bir muhit ta'sirida nutq, oilaviy tarbiya bo'yicha tadqiqotlar. Talabalarda nutqning rivojlanishi, fanning alohida predmeti sifatida va neyrolingvistikada ikki maktabning bo'linishi, shuningdek, nutq jarayoni miya yarim korteksining bir qator hamkorlik sohalariga tayanadi.

Kalit so'zlar: Neyrolingvistikani ikkita fundamental maktab qarashlarida o'rganish.

ВВЕДЕНИЕ

Нейролингвистика – это научная дисциплина, занимающаяся изучением внутренних мозговых процессов, лежащих в основе речевой деятельности человека.¹

В современной России можно говорить о двух сложившихся традициях нейролингвистических исследований — Московская школа нейролингвистики А. Р. Лурия (в настоящее время развивается Т. В. Ахутиной) и Петербургская школа нейролингвистики Балонова—Деглина (нынешний руководитель — Т. В. Черниговская). Не вдаваясь в тонкости теоретических разногласий, можно с очень высокой степенью огрубления указать основное различие в подходах этих двух школ: в работах нейролингвистов Московской

¹ «КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НЕЙРОЛИНГВИСТИКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ». А.Н. Савостьянов, Д.Е. Пальчунов

школы присутствует игнорирование или недооценка работы правого полушария в речевой деятельности, тогда как в исследованиях представителей Петербургской школы настойчиво и последовательно проводится мысль о распределении разных языковых механизмов в левом и правом полушариях головного мозга. В настоящее время нейролингвистика всё больше сближается с психолингвистикой и когнитивной наукой, особенно в традиции Петербургской школы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Сейчас одним из центров нейролингвистики является *петербургский коллектив во главе с Татьяной Владимировной Черниговской*. Она также, в частности, отмечает, что при нарушениях механизмов мозга обоих вышеописанных типов «морфологические процедуры почти не производятся: в ментальном лексиконе слова хранятся целиком, списком, без осознания их структуры»; служебными морфемами становится невозможно оперировать. В то же время среди носителей русского языка «даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания». Вспомним и знаменитую фразу из русско-китайского пиджина: *Моя твоя не понимай, где уже нет морфологии, но какие-то окончания остаются*.

Другой источник сведений — *исследование детской речи*; здесь, наоборот, механизм только постепенно вырабатывается и начинает действовать. Оно также активно ведётся, в том числе и в России (Стелла Наумовна Цейтлин и др.). Исследователи отмечают, что на раннем этапе развития (когда уже пройдена стадия произношения отдельных звуков и слогов) сначала возникают слова-предложения. В это время грамматически полные фразы составляют лишь небольшой процент высказываний; при восприятии речи также из высказываний окружающих выхватываются отдельные слова, на которые происходит реакция. Таким образом, на этом этапе есть слова, которые, по выражению Цейтлин, имеют вид «замороженных словоформ» без возможности соединять их. Это напоминает «телеграфный стиль», но на данном этапе ещё и бедна лексика, которая, однако, быстро пополняется. Использование слов без окончаний и здесь невозможно. На последующих этапах дети, осваивающие русский язык, начинают сочетать слова, однако изменение слов осваивается не сразу, и в это время особую роль играет порядок слов. Для людей, окончательно овладевших этим языком, он обычно грамматически не значим, но дети какое-то время не могут различить фразы: *Покажи ключом гребешок* и *Покажи гребешком ключ*. У детей всё начинается со слов, тогда как представление о морфемах (корнях, окончаниях) вырабатывается поздно, при афазиях выделение морфем быстро разрушается, но всё кончается словами. Роль языка в человеческом познании является предметом исследования когнитивной нейролингвистики. Когнитивная нейролингвистика акцентируется на участии речевых функций в мозговых процессах, связанных с накоплением, хранением, переработкой и использованием знаний. Кроме медицинского применения, когнитивная нейролингвистика имеет большое значение для педагогической психологии.²

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ подобных примеров указывает на существование по крайней мере двух, а то и трех разных компонентов речевого механизма человека. Имеются набор хранимых в мозгу элементов и множество операций с этими элементами, то есть правил, в нормальной

² Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. 3

ситуации действующих неосознанно. При «телеграфном стиле» поврежден участок мозга, ведающий операциями, а хранение элементов функционирует. При другом повреждении, наоборот, затронут набор элементов, а операции с ними сохраняются. Может быть выделен и третий компонент — морфологический, который позволяет не хранить в памяти все формы склонения и спряжения, а образовывать их от исходной формы. Для имен это, естественно, форма именительного падежа единственного числа; если слово не имеет форм единственного числа или формы множественного числа много употребительнее, исходной может быть форма именительного падежа множественного числа (больной при «телеграфном стиле» употреблял формы усы, папиросы). Для глагола в русском языке это инфинитив, который традиционно и дается в словарях, хотя эта форма не самая употребительная; по мнению Черниговской, это происходит потому, что от этой формы глагола легче образовать все другие.

Подобный материал указывает на психологическую адекватность некоторых традиционных подходов лингвистики. Подтверждается традиционное разграничение двух типов описания языка: грамматики и словаря; словари моделируют (разумеется, неосознанно) деятельность участка мозга, хранящего набор элементов, а грамматики — участка мозга, ответственного за операции. Подтверждается и издавна свойственная науке о языке идея слова как центральной единицы языка.

Современная нейролингвистика уже не ограничивается изучением афазий и детской речи на основе наблюдения за поведением исследуемых и экспериментов над ними. В последние десятилетия ученые переходят и к прямым исследованиям мозга, для которых долго не была выработана специальная методика. Как пишет Черниговская, «появились способы исследовать мозговую активность объективными инструментальными методами, начиная с ЭЭГ и метода вызванных потенциалов и заканчивая томографиями — позитронно-эмиссионной и функциональной, основанной на анализе магнитного резонанса во время выполнения когнитивных задач». Кроме того, используются приборы, фиксирующие микродвижения глаз; они также дают информацию о том, что происходит в мозгу. Все это дает «возможность подробно регистрировать физиологические процессы, обеспечивающие память, внимание и обработку разных типов информации»

ОБСУЖДЕНИЕ

Один из важных инструментальных методов связан с изучением функций двух полушарий мозга: с помощью электрошока временно подавляется деятельность одного из полушарий, и далее выясняется, что изменяется в речи, когда действует только одно из них. Речь ни в каком случае не исчезает, но в каждом из случаев изменения оказываются различными.

При этом возникают спорные проблемы. Например, во многих языках, включая русский и английский, имеются правильные глаголы, спрягающиеся по общим правилам, и неправильные глаголы, спряжение которых индивидуально и требует особого запоминания. Любопытно, что при обучении английскому или французскому языку всегда большое внимание уделяется запоминанию спряжения неправильных глаголов, а в учебниках русского языка о них могут и не вспоминать, хотя их немало; данные нейролингвистики показывают, что *это не случайно*.

В современной нейролингвистике много внимания уделяется процедурам обработки регулярной и нерегулярной морфологии; исследуются степень их сохранности при афазиях разного типа и формирование у детей. Как отмечают Черниговская и ее сотрудники, здесь

конкурируют два подхода. Многие исследователи считают, что в языке существует два механизма: «регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком»; такая точка зрения чаще встречается в США у сторонников генеративизма. Однако петербургский коллектив, изучающий носителей русского языка, пришел к выводу, согласно которому «не существует принципиальной разницы в обработке и хранении регулярных и нерегулярных форм».

ВЫВОДЫ

Исследования детской речи показывают, что носители русского и английского языков формируют морфологию по-разному. Если дети, овладевающие русским языком, на одном из этапов овладения говорят, как уже упоминалось, «замороженными словоформами», постепенно осваивая словоизменение, то американские исследователи отмечают на соответствующем этапе «телеграфную речь», в которой отсутствуют не только служебные слова, но и аффиксы. Исследования афазий показывают, что в английском языке регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* (который по традиции принято считать аффиксом) составляются из компонентов (производятся), а не хранятся в готовом виде (воспроизводятся); формы неправильных глаголов, однако, воспроизводятся. То есть получает подтверждение точка зрения о разных механизмах для регулярных и нерегулярных форм. Показательно, что когда-то некоторые представители американской дескриптивной лингвистики предлагали выделять, например, в формах английского глагола со значением «брать» *take* и *took* корень *t-k* и вставляемые внутрь него аффиксы. Однако эта точка зрения не прижилась для английского языка, хотя во многих «экзотических языках» аналогичные трактовки были распространены среди дескриптивистов. Видимо, мешала интуиция носителей языка.

Особо следует остановиться на изучении *функций полушарий мозга*. Уже более столетия существует гипотеза, согласно которой правое полушарие связано с образами, а левое полушарие — с логическими операциями. О раздельности этих функций уже давно, независимо от нейролингвистики, накапливался немалый материал.

Список литературы:

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию, тт. 1–2. М., 1963
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. 3
3. Вольф Н.В., Разумникова О.М., Тарасова И.В. Стратегия и результат: половые различия в электрографических коррелятах вербальной и образной креативности // Физиология человека. 2009. № 3. С. 31–41.
4. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968
5. Шарадзенидзе Т.С. Лингвистическая теория И.А.Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX–XX веков. М., 1980
6. Щерба Л.В. И.А.Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке (1845–1929). – В кн.: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1995